

γ $\frac{26}{288}$

И
2476
V, 30.
30.
26
258

НЕ ДОВОЛЬНО (*).

(посв. И. С. Тургеневу)

„Брось прохладушки, —
недѣланаго дѣла много“.

Русское присловье.

I.

Въ минуту внезапной усталости художникъ вымолвилъ слово: «Довольно!» широкое и... коварное слово. — Для кого довольно? для себя? для другихъ? — Для себя — по какому праву? — Для другихъ — не худо бы ихъ спроситься. А если мы подадимъ протестъ... не Юпитеру, не Аполлону — пусть они остаются себѣ въ Ватиканѣ, тамъ они, должно быть, съ руки — нѣтъ! если мы подадимъ протестъ живымъ людямъ, хоть самимъ себѣ? какъ! мы дали художнику право насъ изучать, разлагать наши духовныя силы, высматривать нашу красоту и наше безобразіе, особенности нашего быта, нашей природы; взявъ онъ у насъ родное Русское слово, въ своихъ произведеніяхъ приучилъ насъ читать самихъ себя, — эта привычка намъ дорога и мы нисколько не намѣрены ее покинуть, — какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, художникъ говоритъ: «будетъ съ васъ довольно!»... нѣтъ! такъ легко съ нами онъ не раздѣляется! своей умною мыслью, своею изящною рѣчью, онъ закабалилъ себя намъ; — намъ принадлежитъ каждая его мысль, каждое чувство, каждое слово; они — наша собственность и мы не намѣрены уступить ее даромъ.

(*) Веѣмъ нашимъ читателямъ навѣрно памятна прекрасная поэтическая фантазія: „Довольно!“ (см. соч. И. С. Тургенева т. V, стр. 337—350. Изд. 1865 г.), гдѣ сочинитель мѣтко схватилъ тѣ тяжкія минуты въ жизни художника, когда измученный и работою, и людскою неблагодарностію, усталый, обезсиленный, онъ какъ будто терять вѣру въ самого себя, и въ Природѣ, въ жизни, ищетъ оправданія своему недовѣрію. Мы позволили себѣ написать родъ отвѣта, подъ первымъ впечатлѣніемъ статьи Ивана Сергѣевича, и потому номера въ нашей статьѣ соответствуютъ до нѣкоторой степени, такимъ же номерамъ статьи: „Довольно“.

II.

Приходить на умъ и другое. Да выговорилась ли *суть* этого слова? Здѣсь не одна ли буквенная оболочка, подъ которою зародилось другое, новое слово? не впервые буквамъ обманывать людей вообще, а въ особенности художниковъ.... Человѣкъ роетъ землю, подумаешь — могила; ничего не бывало! онъ просто садитъ дерево. Дерево отцвѣло, плодъ свалился, падаютъ пожелтѣвшіе листья — прощай дерево!... ничего не бывало; плодъ осѣменилъ землю, листья прикрыли его, — да прорастетъ зародышъ!

III.

— «Довольно», потому что все извѣдано, потому что «все было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ: и соловей, и заря и солнце.» Что, если бы какая чудодѣйная сила потѣшила художника и, въ угоду ему, ничто бы въ мірѣ не повторилось? соловей бы пропѣлъ въ послѣдній разъ, солнце не взошло бы завтра, кисть навсегда бы засохла на палитрѣ, порвалась бы послѣдняя струна, замолкъ бы человѣчскій голосъ, наука выговорила бы свое послѣднее слово? — что же за тѣмъ? мракъ, холодъ, безконечное безмолвіе и ума и чувства.... о! тогда человѣкъ дѣйствительно получилъ бы право сказать: *довольно!* то есть, дайте мнѣ опять тепла, свѣта, рѣчи, пѣнія соловья, шелеста листовъ въ полумракѣ лѣса, дайте мнѣ страданіе, дайте просторъ моему духу, развяжите его дѣятельность, хотя бы въ ней были для меня отравы.... словомъ, воссоздайте неизмѣняемость законовъ Природы! Пусть снова возникнутъ предо мною неразрѣшенные вопросы, сомнѣнія, пусть солнце будетъ равно отражаться и въ безбрежномъ морѣ и въ каплѣ утренней росы, повисшей на быліи.

IV.

Въ самомъ ли дѣлѣ мы когда нибудь старѣемся? этотъ вопросъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. То, что я думалъ, чувствовалъ, любилъ, выстрадалъ вчера, за 20, за 40 лѣтъ, — не состарѣлось, не прошло безслѣдно, не умерло, но лишь преобразилось; старая мысль, старое чувство отзывается въ новыхъ чувствахъ; на мое новое слово, какъ сквозь призму, ложится разноцвѣтный оттѣнокъ бывшаго.... Наконецъ: не ужель художникъ запертъ въ художественной сферѣ? — не ужель та могучая, творческая сила, что дана ему при рожденіи, не должна проникать и за предѣлы этой сферы? вѣдь тамъ — приволье большое, раздолье широкое! — «Я сегодня «ужъ слишкомъ заработался», говорилъ Питтъ, — «дайте мнѣ другой портфѣль». — Такія слова можетъ, даже обязанъ повторить каждый, свыше одаренный человѣкъ — будь онъ художникъ, ученый, служака, промышленникъ. Даровитая организація — эластична; она не имѣетъ права вкопать свой талантъ въ землю; она должна пустить его въ куплю, гдѣ бы ни привелось — а работы на землѣ много, да и работа

1562-0

2007052558

неотложная, многосторонняя; всѣхъ зоветъ она — и юнаго и стараго; на всѣхъ ее хватить, и все ей нужно, и часто именно то, чѣмъ Господь одаряетъ художника; безъ эстетической стихіи ничто не спорится; одной механикой и дѣльной мышеловки не соорудить.

V.

Правда, послѣ дня настаетъ ночь, послѣ борьбы усталость. Какъ мягка, какъ отрадна эта метафизическая постель, которую мы стелимъ себѣ, собираясь на покой! какъ привольно протянуться на ней, убаюкивая себя мечтами о тщетѣ человѣческой жизни, о томъ, что все скоротечно, что все должно когда нибудь кончиться: и силы ума, и дѣятельность любви, и чувство истины, — все, все — и біеніе сердца, и наслажденіе искусствомъ, Природою; что всему конецъ — могила. Не все ли равно, немного позже, немного раньше? — Эти минуты сторожить злѣйшій изъ враговъ человѣка, хитрѣйшій изъ льстецовъ: духовная лѣнь. — «Зачѣмъ же и вставать съ постели?» говоритъ онъ намъ, — и очень логично. «Пусть тамъ встаетъ солнце, если ему такъ хочется. Что тебѣ нужды до него? посмотри на что оно похоже, посмотри какъ оно безнравственно равнодушно! оно свѣтитъ сегодня, какъ вчера, и доброду и злому, грѣетъ и горленку и тигра, улыбается и матери съ младенцемъ и звѣроподобной битвѣ; сними же съ него поэтическую личину, погрузись, подобно солнцу, въ созерцательное равнодушіе, — отъ него одинъ шагъ къ полному, нетревожному «бездѣйствію . . . .» и злой духъ много напѣваетъ намъ такихъ пѣсень. Но къ счастью противъ злаго духа возстаетъ нашъ ангелъ хранитель: *любовь!* любовь всеобъемлющая, всечующая, всепрощающая, ищущая дѣланія, ищущая всезнанія, какъ подготовки къ своему дѣланію . . . .

VI.

Прочь уныніе! прочь метафизическія пеленки! не одинъ я въ мірѣ, и не безотвѣтенъ я предъ моими собратіями — кто бы они ни были: другъ, товарищъ, любимая женщина, соплеменникъ, человѣкъ съ другаго полушарія. — То что я творю, — волею или неволею, пріемлется ими; не умираетъ сотворенное мною, но живетъ въ другихъ жизнию безконечною. Мысль, которую я посѣялъ сегодня, взойдетъ завтра, черезъ годъ, черезъ тысячу лѣтъ; я привелъ въ колебаніе одну струну, оно не исчезнетъ, но отзовется въ другихъ струнахъ гармоническимъ гласовнымъ отданіемъ. Моя жизнь связана съ жизнью моихъ прапрадѣдовъ; мое потомство связано съ моею жизнью. Не ужель чтѣ либо человѣческое можетъ быть мнѣ чуждо? Всѣ мы — круговая порука. Архимедовыми вычисленіями движутся смѣлые механизмы нашего вѣка; мысль моего сосѣда, ученаго, переносится электрическимъ токомъ въ другое полушаріе; Пифагоръ измѣрялъ струны и вычислялъ созвучія для Себастіана Баха,

Бахъ работалъ для Моцарта и Бетховена — Бетховенъ для... новыхъ дѣятелей гармоніи. Солнечный лучъ, призванный вчерашнею наукою къ отвѣту о составѣ солнца, готовить новый міръ знаній для будущаго человѣчества, міръ нами неугадываемый, — по мы теперь, на каждомъ шагу, уже можемъ прочувствовать то высокое наслажденіе, которое ощутятъ наши дальніе потомки, благодаря *нашимъ* трудамъ. Похороны мы эти труды въ могилѣ созерцательнаго бездѣйствія, мы похоронимъ и дѣятельность и наслажденія нашихъ будущихъ собратій.... имѣемъ-ли мы право на такое смертоубійство?

VII, VIII, IX, X, XI.

Какъ въ мірѣ науки, такъ и въ мірѣ чувства, (какое бы оно ни было: сознательное или бессознательное) минуты любви, вдохновенія, слово науки, даже просто доброе дѣло, не покидаютъ насъ и среди самой горькой душевной тревоги, — но свѣтлою полосою ложатся между нашихъ мрачныхъ мечтаній. Благословимъ эти минуты, а не проклянемъ; онѣ не только были, онѣ намъ присущи; онѣ живутъ въ самомъ нашемъ отрицаніи.

XII.

Да! въ самомъ отрицаніи! можно отрицать лишь то, что мы познали, что извѣдали, — иначе мы будемъ отрицать отрицаніе. Кто имѣетъ право сказать: «*св послѣдній разгъ*» и подобно звѣрку опуститься въ глубь и заснуть? Да и во снѣ будутъ мерещиться «и солнышко, и травка, и голубья ласковыя воды» — и на яву мы невольно будемъ искать ихъ. Есть въ духѣ человѣка потребность и думать и чувствовать, какъ въ пчелѣ-работницѣ потребность строить ячейку. Для чего, для кого пчела строитъ ее? для чего наполняетъ она ее медомъ, собираемымъ съ опасностью для жизни? можетъ быть не она воспользуется этой ячейкой, этимъ медомъ, — воспользуются другія, ей неизвѣстныя существа, воспользуется царица и ея новое племя.... Но какъ замѣтилъ, кажется, Кюлье, пчела носитъ въ себѣ образъ ячейки, геометрической призракъ; — осуществить этотъ образъ, этотъ призракъ, есть непреодолимое призваніе пчелы; въ исполненіи этого призванія должно быть вложено особаго рода наслажденіе, — и безъ него жизнь пчелы осталась бы неудовлетворенною. Если бы пчелы засыпали во время своего рабочаго періода, прекратилось бы существованіе ульевъ, — зародыши умерли бы съ голода; уничтоженіе этой породы, повидимому, столь незначительныхъ существъ, можетъ быть не обошлось бы даромъ и остальному міру; можетъ быть, пришлось бы работать надъ средствами замѣнить пчелу, — что еще не далось наукѣ.

XIII.

Судьба! — что это за дама? откуда она вышла? гдѣ живетъ она? любопытно было бы о томъ провѣдать. Подъ свѣту бродитъ лишь ея имя, въ родѣ того испанскаго морскаго змѣя, о которомъ ежегодно писали въ газетахъ, но который еще не

потопилъ ни одного корабля, и на дняхъ обратился въ смиреннаго моллюска. Никто еще не подвергался такой напраслицѣ, какъ судьба - невидимка. Про одного шахматнаго игрока рассказывали, что онъ игралъ бы мастерски, но что въ шахматахъ ему не везеть, несчастливо играетъ, — такая видно его судьба. Эта шутка похожа на дѣло. Дѣйствительно, игроку несчастье: — разсѣянность, невниманіе, плохое знаніе игры, и всѣ мы — шахматные игроки почти въ томъ же родѣ; — разумному, ученому игроку — игра открыта; смотря по степени своего знанія, онъ можетъ предвидѣть *хитры* жизни, прикрыться, избѣжать, поразить въ время. Все это возможно, но не всѣми дѣлается, не по милости какой-то судьбы, а, въ бѣльшей части случаевъ, по собственному нехотѣнію. Всѣ люди спятъ на постеляхъ; у всякаго въ комнатѣ есть печка; Кондратій Ивановичъ легъ въ постелю и умеръ — отъ угара. Судьба? ничего не бывало! онъ просто не позаботился посмотрѣть какъ закрыта вьюшка и положился на судьбу. — Во многихъ Московскихъ мѣстностяхъ есть подземные родники; у одного хозяина подмыло домъ и домъ повалился. «Вотъ судьба-то!» говорили прохожіе. Сосѣдъ его открылъ у себя родники прежде постройки дома, и свелъ ихъ въ проточный прудъ. — «Какой хорошенькой прудокъ!» говорили прохожіе; — никому не пришло въ голову приписать этотъ прудокъ судьбѣ, — а судьба, т. е. мѣстность была одинакова для обоихъ сосѣдей. — Неужели наука напрасно доказала, что случайности или судьбы не существуетъ — въ обыденномъ смыслѣ этого слова; что всѣ возможные случайности повинуются общимъ, неизмѣннымъ законамъ, которые.... стоитъ изучить. По математическому закону вѣроятностей, изъ числа повтореній одного и того же случая должно быть нѣсколько отрицательныхъ, или несчастныхъ; но эта вѣроятность, въ бѣльшей части случаевъ, можетъ быть ограничена волею человѣка. У двери порогъ; есть для меня ежедневная вѣроятность за него зацѣпиться, упасть и сломить себѣ шею; но если я дамъ себѣ трудъ не забыть, что тутъ есть порогъ, то вѣроятность споткнуться удалится отъ меня на безконечную величину. Но возражать: а грозныя, нежданная явленія Природы: бури, землетрясенія, взрывы?... къ числу этихъ нежданныхъ явленій нѣкогда причисляли солнечное затмѣніе. Когда и для земли наука выработаетъ такія же данныя, какія она добыла въ звѣздныхъ пространствахъ, — тогда всѣ нежданная явленія Природы будутъ предсказываться въ календаряхъ, наравнѣ съ восходомъ и закатомъ солнца или мѣсяца. Когда дрожанія земли будутъ изучены какъ дрожанія струны, или Хладніевы фигуры (*), тогда не станетъ дѣло и за снарядомъ противъ землетрясеній, въ родѣ громоотвода. Наука, кажется, еще далеко не дошла до такого успѣха; конечно! но что же изъ этого слѣдуетъ?—единственно то, что мы еще не кончили нашего урока на землѣ, что еще не слѣдуетъ намъ повидать указку.... словомъ, что недовольно! недовольно!

Дѣло въ томъ, что всѣ мы больны одною болѣзнію: *неприложениемъ рукъ*, — но мы какъ-то стыдимся этой болѣзни и находимъ удобіе сваливать продукты на

(*) Средство Хладніевыхъ линій съ линіями землетрясеній уже, кажется, было выговорено въ наукѣ.

шей лѣни на судьбу, благо она безотвѣтна. — Съ «самозабвеніемъ и самопрезрѣніемъ» далеко не уйдешь; нужна во всѣхъ случаяхъ жизни извѣстная доля самоувѣренности: въ битвѣ ли съ жизнію, въ битвѣ ли съ собственною мыслию. Надобно умѣть прямо смотрѣть въ глаза и другу и недругу, и успѣху и неудачѣ, и дѣлу и бездѣлю. Но скажутъ: что же за радость жить цѣлый вѣкъ на сторѣжѣ! пожалуй уподобишься тому чудаку (*), который и въ ясную погоду ходилъ съ зонтикомъ, а на зонтикъ былъ придѣланъ громовой отводъ, — потому что, разсуждалъ чудакъ, были случаи громовыхъ ударовъ и при безоблачномъ небѣ. — Пограничная линія между разумнымъ и смѣшнымъ весьма тонка и неопредѣленна, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ея не было, и чтобы человѣкъ былъ не въ силахъ стать по ту или по сю сторону этой линіи. Все зависитъ отъ умѣнья обращаться съ жизнію, отъ смысла, который мы придаемъ ея явленіямъ. Вліяніе производимое на насъ нашею дѣятельностію вполне подчинено той идеѣ, которую мы къ ней присоединяемъ. Возьмемъ примѣръ самый простой; что можетъ быть скучнѣе провѣрки счетныхъ книгъ? Человѣкъ жалуется: я рожденъ поэтомъ, живописцемъ, музыкантомъ, а изъ меня судьба сдѣлала бухгалтера. — Замѣтимъ мимоходомъ, что истинное призваніе остановить трудно; оно прорвется сквозь всѣ препятствія; много-ли было великихъ людей, изобрѣтателей, художниковъ, которые бы родились на розахъ? всякому пришлось бороться и съ людскимъ равнодушіемъ и съ занятіями ему несвойственными, нерѣдко въ длинныя ночи вытачивать самые грубые инструменты для своего изобрѣтенія... можетъ быть, въ этой борьбѣ и закалился ихъ духъ на великое дѣланіе. Обратимся къ счетнымъ книгамъ; не ужели остается лишь тосковать при такой работѣ?—нѣтъ! это дѣло имѣетъ разныя значенія: одинъ видитъ за нимъ лишь жалованье, хлѣбъ для жены и дѣтей, получаемый за честную работу — и это не дурно; другой, н. пр. фабрикантъ, землевладѣлецъ — оцѣнку своихъ удачъ или ошибокъ; третій — долгъ гражданскій, возможность предотвратить расхищеніе казны, обличить воровство, подлоги и проч. т. п. Если человѣкъ способенъ присоединить какой нибудь изъ этихъ смысловъ къ своему дѣлу, то нѣтъ слѣда приходить въ отчаяніе; судьба человѣка въ рукахъ его.

XIV, XV.

Слова! слова! но подъ словами мысль, а всякая мысль есть сила — дѣйствуетъ ли она на другую мысль, приводитъ ли въ движеніе матеріальныя силы. Неужель наука и искусство напрасно проходятъ по міру?

Вообразимъ себѣ, что въ одну несчастную минуту собрались бы высшіе и низшіе дѣятели нашего времени и, убѣдившись въ тщетѣ жизни человѣческой, т. е. въ тщетѣ науки и искусства, общимъ согласіемъ положили: прекратить всякую ученую

(*) Описанному у Гошмана.

и художественную дѣятельность.... Чѣмъ бы эта попытка кончилась? во первыхъ, стало бы на семь свѣтъ немножко скучнѣе, а во вторыхъ, — такой попыткѣ никогда не удался. И наука и искусство появились бы вновь, но въ какомъ либо искаженномъ видѣ, ибо нельзя убить стихію человеческого организма, столь же важную, какъ и всѣ другія стихіи, не истребивъ самаго организма. Предположимъ невозможное: метафизики и схоластики добились до того, что всякая новая мысль, всякое ученое открытіе, всякое художественное произведеніе преслѣдуются какъ уголовное преступленіе; новые инквизиторы жгутъ Гусса, терзаютъ Галилея, изгоняютъ Данта. Безусловный нигилизмъ торжествуетъ. Что-жъ далѣе? Можетъ быть возвратятся свинцовые вѣка, можетъ быть, на время порвется нить, долженствовавшая связать будущаго Гиппарха съ будущимъ Ньютономъ, Пифагора съ Эйлеромъ, Шекспира съ Гёте, — но не надолго; живая электрическая сила соединитъ порванные концы — и законъ природы возьметъ свое. Мѣшайте росту растенія — оно все-таки выростетъ, хоть искривленное и больное; срѣжьте — пойдетъ отъ корня; вырвите съ корнемъ, — появится другое возлѣ и осѣменитъ заустѣлую почву.

При берегахъ и на днѣ озеръ находятъ остатки жизни народовъ безъ имени; были люди незнавшіе металловъ; за людьми эпохи камня, — явились люди мѣди; за людьми мѣди — люди желѣза; столѣтія, можетъ быть тысячелѣтія протекли между этими эпохами. Но камнемъ выдѣлалась мѣдь, мѣдью выдѣлалось желѣзо, желѣзомъ изваяна, если, пожалуй, не Венера Милосская (*), то покрайней мѣрѣ Аріадна Даннекера. — Человѣку, который проводилъ долгіе дни, оттачивая камень камнемъ же, конечно не могло придти въ голову, что его работа — первый шагъ для работы древне-Греческаго или Штутгардскаго ваятеля, какъ равно для всего того, что мы теперь дѣлаемъ изъ мѣди и желѣза. Человѣку каменнаго вѣка простительно было бы горевать о тщетѣ человеческой дѣятельности и о прочихъ тому подобныхъ унылыхъ предметахъ; но мы, прослѣдившіе работу человѣка отъ каменной эпохи до нашей, мы сознающіе святую связь между наукою, искусствомъ и жизнію, мы, могущіе исчислить съ достаточною вѣроятностію ту эпоху, для которой наша будетъ тѣмъ же, чѣмъ для насъ теперь каменная, — имѣемъ ли право предаваться унынію и взывать къ бездѣйствію?

Красота — есть ли дѣло условное? мнѣ кажется этотъ вопросъ и существовать не можетъ. Вопросъ не въ красотѣ того или другаго произведенія, а въ чувствѣ красоты, въ потребности красоты, а это чувство, эта потребность суть стихіи, общія всѣмъ людямъ. Что нужды, что Китаецъ любитъ картину безъ перспективы, или послѣдованіемъ звуковъ, для насъ непонятнымъ, — дѣло въ томъ, что онъ любитъся,

(*) Чѣмъ были изваяны Греческія статуи, еще кажется вопросомъ: Въ Помпѣхъ (63 г. по Р. Х.) Русскимъ ученымъ Савенно были найдены (около 1819 г.) хирургическіе инструменты, слѣданные еще изъ какой-то крѣпкой мѣди, или изъ бронзы. Таки медленно шло человеческое *подвиженіе* (прогрессъ). См. по сему предмету любопытныя изслѣдованія Г. В. Струве о химическомъ анализѣ древнихъ сплавовъ, въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археолог. Общества 1866 г. т. VI, вып. 7 и 8, въ статьѣ Лерха стр. 172—182.

что онъ находитъ удовлетвореніе своей потребности изящнаго. Не за что обвинять Китайца — у него одинакое съ нами право любоваться красою по своему; однимъ съ нами закономъ руководится его чувство, — разница лишь въ матеріальномъ представленіи; его взглядомъ на искусство умалились ли его права на званіе человѣка?

Незачто слишкомъ досадовать и на червя, который съѣдаетъ «драгоценнѣйшія строки Софокла»; того дѣйствія, которое производилъ Софоклъ на современниковъ и которое отозвалось и на насъ, червь не подточить!

Да и откуда, съ какого потолка намъ упала эта теорія безусловной красоты — будто бы нынѣ исчезающей, будто-бы когда-то существовавшей? когда же мы избавимся отъ Поссидоновъ, Фебовъ и всѣхъ статистовъ языческаго міра? эти формы были и прошли, ихъ мѣсто должны занять другія, точно такъ же какъ поколѣнія замѣщаются одно другимъ, что нисколько не мѣшаетъ человѣчеству существовать и шествовать въ даль безпредѣльную. Искусство достигло ли той степени совершенства, за которою бы оставалась возможность лишь повторенія одного и того же? Нѣтъ! и далеко нѣтъ! оно не достигло даже той степени силы, которою владѣетъ матеріальная Природа. Отъ чего солнце есть красота для всѣхъ? отъ чего имъ возбуждается въ насъ то поэтическое настроеніе, которое можно назвать пищей души? обаянію солнца предается равно и химикъ, разлагающій солнечную атмосферу, и живописецъ, наблюдающій за переливами тѣней и за неожиданными бликами, и ребенокъ выбѣжавшій на лугъ. А звѣздная ночь? она наводитъ думу и на душу простолюдина, для котораго звѣзды — лишь свѣтлыя точки на синевѣ неба, и на душу астронома, измѣряющаго ихъ плотность, вѣсъ и движеніе. — Отъ чего искусство не умѣетъ еще говорить тѣмъ общимъ для всѣхъ языкомъ, которымъ говорятъ: солнце, звѣзды и другія явленія Природы? отъ чего Рафаель, Бахъ, Гомеръ, Дантъ — понятны лишь немногимъ? — Сколько вѣковъ работы еще нужно для того, чтобы искусство заговорило языкомъ для всѣхъ доступнымъ? — мы видимъ какъ медленно развивается въ толпѣ не только сознаніе, но даже наслажденіе искусствомъ. Толпѣ еще нуженъ не Рафаель, а размалеванная картинка, не Бахъ, не Бетховенъ, а Верди или Варламовъ, не Дантъ, — а ходячая пошлость. Но одна-ли толпа въ томъ виновата? нѣтъ ли въ самомъ искусствѣ чего-то неполнаго, недосказаннаго? не требуетъ ли оно новой, намъ даже еще непонятной разработки?

Истоцился ли уже источникъ поэзіи, хранящійся въ нѣдрахъ христіанскаго міра? нѣтъ! мы еще не нашли ни словесной, ни архитектурной, ни музыкальной формы, которая бы соотвѣтствовала этому, все еще *новому* міру; вездѣ у насъ еще проглядываетъ язычество.

Наукой раздвинулась область фантазіи, и матеріальнъ поэзіи приумножился такимъ богатствомъ, какое не могло и войти въ голову Юпитера, хотя бы въ ней сидѣла Минерва. Какъ блѣдны и ничтожны всѣ декорации Фебовой колесницы съ ея Аврами, Гѣрами, Фаетонами, хоть на пр. предъ страницей Гумбольдта, гдѣ говорится о солнечныхъ системахъ, несущихся въ пространствѣ, какъ пылъ гонимая вѣтромъ! Что значитъ движеніе бровей Зевеса предъ Гершелемъ, когда онъ, по его собственному живопис-

ному выраженію, *вычерпывая* звѣздныя пространства и достигалъ до звѣздъ, отъ которыхъ самый свѣтъ, на землѣ неподчиняющійся времени, доходить до насъ въ теченіе столѣтій, тысячелѣтій, — такъ, что звѣзда погасла тому уже сто, тысяча лѣтъ, а мы еще ее видимъ. Всякая языческая фантазія (имѣющая, не спорю, историческое значеніе) не блѣднѣетъ ли предъ этой, поистинѣ поэтической дѣйствительностью? Кто же виноватъ, если поэты не добываютъ своихъ сокровищъ изъ новыхъ рудниковъ, не возводятъ сихъ сокровищъ въ художественное созданіе! . . . мы не видимъ еще и приступа къ этой новой художественной дѣятельности. Слѣдовательно — нечего пока печалиться о Гомерахъ и Софоклахъ. Поэзія еще впереди — и въ ея мірѣ нѣтъ для насъ права на отдыхъ и успокоеніе . . . недовольно! недовольно!

XVI.

Еще разъ — не погибаетъ ничто, ни въ дѣлѣ науки, ни въ дѣлѣ искусства; проходятъ, сокрушаются временемъ ихъ вещественныя проявленія, но духъ ихъ живетъ и множится. Правда, не безъ борьбы достается ему эта жизнь, но самая эта борьба, записанная исторіею, есть для насъ назиданіе и ободреніе на дальнѣйшее подвиженіе. — Наука выросла въ борьбѣ, и даже посредствомъ борьбы. Развѣтвленіе идей — какъ развѣтвленіе растений. Возлѣ здоровыхъ листьевъ, есть какъ будто больные; возлѣ цвѣтка лиліи есть прицвѣтникъ, — пожелтѣвшій свертокъ, который бы хотѣлось сорвать и бросить; предъ появленіемъ плода вянуть красивые лепестки, — но эти, по видимому, ненужные придатки, эти будто бы уклоненія Природы суть охрана развитія . . .

Мы съ трудомъ можемъ вообразить себѣ Галилея, окруженнаго Птоломеистами, которые не вѣрятъ глазамъ своимъ, смотря на спутниковъ Юпитера; на осязательное наблюденіе Галилея они отвѣчаютъ: не можетъ быть болѣе семи планетъ, по той существенной причинѣ, что въ тѣлѣ человѣческомъ только семь отверстій: два уха, два глаза, двѣ ноздри и одинъ ротъ — итого семь. — Мы пугаемся этой нелѣпости, — намъ кажется, что въ такой безсмысленной атмосферѣ наука должна была задохнуться; но не подобныя ли нелѣпости заставили Галилея ближе разобрать дѣло, повѣрить самого себя, добыть новыя данныя для доказательства проповѣданной имъ истины, — не говоря уже о самомъ Птоломеевѣ, и его невольныхъ заблужденіяхъ, безъ которыхъ однако, можетъ быть, не было бы ни Галилея, ни Кеплера, ни Ньютона, ни Гумбольдта, — или, въ ущербъ общему просвѣщенію, они пришли бы гораздо позже.

Я не буду вспоминать о борьбѣ, которую должны были вынести Дженнеръ, Уатсъ, Фультонъ и другіе великіе подвижники человѣчества, — не буду вспоминать о томъ, что систему Линнея, какъ нынѣ Дарвина, обвиняли . . . въ безнравственности! вся эта исторія слишкомъ извѣстна. Я бы желалъ указать на борьбу, которая, по самому своему предмету, донинѣ еще мало доступна большинству читающей публики; доселѣ представляетъ для науки много вопросовъ, и, между тѣмъ, имѣла рѣшительное вліяніе на нѣчто къ каждому изъ насъ весьма близкое, — на здоровье. —

Появилось въ мірѣ открытіе, съ которымъ палъ авторитетъ древнихъ: наука осмѣлилась обратиться къ положительнымъ, собственнымъ наблюденіямъ. Здѣсь первая страница новой физиологіи. Я говорю объ обращеніи крови, объ великомъ по сему предмету трудѣ Гарвея, давшемъ новый, неожиданный толчокъ анатоміи XVII вѣка, толчокъ продолжающійся и понынѣ. Въ медицинѣ царствовала тогда, относительно крови, теорія Галена, основанная на невѣрно сдѣланномъ опытѣ знаменитаго Пергамскаго врача, — чего до Гарвея никто не осмѣливался и подозрѣвать, не только высказать, на основаніи того, что «magister dixit». Гарвею приходилось бороться съ идеальной анатоміею, съ завѣтнымъ ученіемъ о естественныхъ, жизненныхъ и животныхъ духахъ, игравшемъ столь важную роль во всѣхъ тогдашнихъ ученыхъ объясненіяхъ (*), и на Гарвея возстали не только знаменитѣйшіе, но и ученѣйшіе врачи того времени (**). Нельзя и теперь равнодушно читать исторію этой ожесточенной борьбы изъ за такого, нынѣ простаго и яснаго органическаго явленія. Въ подобныхъ борьбахъ — исторія всякой науки, всякаго открытія, всякаго смѣлаго изслѣдованія. Начинается съ отрицанія, — занимъ идутъ насмѣшки, когда не преслѣдованіе, а потомъ: «на что это нужно? можно и безъ того обойтись!» — Вѣйки, пьедесталы и статуи приберегаются лишь для могилы.

Мы указали на примѣръ Гарвея не безъ умысла; эта исторія во многихъ отношеніяхъ и назидательна, и отрадна, не смотря на ея грустную обстановку. По ожесточеннымъ нападкамъ на Гарвея можно бы подумать, что онъ провозгласилъ нѣчто нежданное, неслыханное; но Гарвею принадлежитъ лишь честь введенія этого предмета въ науку, честь — приложенія къ нему рукъ; обращеніе крови было замѣчено прежде Гарвея: это наблюденіе встрѣчается напр. въ богословской книгѣ Михаила Серве 1553 (***) , созженнаго Кальвиномъ, по обычаю стараго добраго времени, сжигать автора вмѣстѣ съ его книгами — такъ, чтобы отъ человѣка ничего не оста-

(*) Даже Малбраншъ (1660—1715) объяснялъ дѣйствіе вина тѣмъ, что оно состоитъ изъ духовъ, весьма своеобразныхъ, тонкихъ и безпокойныхъ.

(**) Исторія между 1598 и 1657 г. сохранила имена противниковъ Гарвея: Примирозія, Паризанія, Племя, Фолліа, имена нынѣ забытыя, но тогда гремѣвшія. Мольеръ въ «Malade imaginaire» въ лицѣ Диафоріуса воспроизводитъ типъ противниковъ Гарвея, но въ числѣ ихъ былъ и Гассенди, умъ свѣтлый, котораго изслѣдованія и доннынѣ уважаются въ наукѣ. Правда, Гарвей нашелъ себѣ защитника въ Декартѣ (по тогдашнему Картезію), но и Декарту досталось отъ Примирозія, отзывавшагося о великомъ философѣ-математикѣ съ величайшимъ презрѣніемъ. Борба длилась болѣе 40 лѣтъ (съ 1619), т. е. до тѣхъ поръ, пока Малпиги (въ 1661) и въ послѣдствіи Левенгокъ не навели микроскопъ на лягушечьи жилы и этимъ осязательнымъ опытомъ не поддержали теорію Гарвея. Гарвей восторжествовалъ, — это правда, но каково было Гарвею, когда, съ одной стороны, въ числѣ его защитниковъ появились Розенкрейцеры, на основаніи его теоріи принялись за переливаніе крови изъ животныхъ въ людей и уморили нѣсколько человѣкъ, — а съ другой Примирозій, въ порывѣ безсильнаго ожесточенія, отвѣчалъ Гарвею почти такъ, какъ говорятъ теперь Митрофанушки сего міра, когда рѣчь пойдетъ о свободномъ трудѣ, о земствѣ, или о гласности и независимости суда: «старина», говорилъ Примирозій, «лѣчили болѣзни, нисколько не заботясь объ обращеніи крови, на что жъ намъ это новое ученіе? и безъ него можно обойтись». Я здѣсь избѣгаю подробностей; любопытные найдутъ ихъ въ IV-мъ томѣ Шпренгелевой исторіи Медицины, парижскаго изданія 1815 г. стр. 85—175.

(***) Шпренгель — т. IV стр. 34.

лось (*); но еще въ 1300 годахъ это наблюденіе довольно ясно выражено въ неконченной поэмѣ: «Асегва» сочиненія Чекко д'Асколи, который замѣтилъ уже соединеніе артерій съ венами и различіе ихъ функцій; Чекко также былъ созженъ (въ 1327 г. во Флоренціи) какъ магъ и астрологъ (**). Два раза какъ будто замирало великое открытіе, но, въ самомъ дѣлѣ, не замирало, а только зрѣло въ плодоносной почвѣ науки.—Костры дѣйствовали покрупицѣ бѣднаго червя, питающагося древними рукописями; но что же вышло на повѣрку? — Когда библиографъ Пеньо въ 1806 году издалъ словарь созженныхъ книгъ (***), Римская канцелярія (конгрегация) воспользовалась этимъ ученымъ трудомъ для пополненія — списка книгъ, которыхъ чтеніе подъ анаевою запрещается латинствующимъ (****). Въ этомъ курьезномъ списокѣ красуется и имя Серве, вмѣстѣ съ именами Декарта, Малекранша, Паскаля, Монтескье, Локка, Канта, не говоря уже о новѣйшихъ (Альфieri, Notre-Dame Виктора Гюго, даже историческій словарь Булье); ожидали-ль основатели этого Списка, что онъ, въ свою очередь, сдѣлается нынѣ весьма полезнымъ пособіемъ для всякаго изучающаго исторію преступленій латинства?....

Наука какъ бы не замѣчаетъ этихъ мимоходящихъ явленій, а развѣ усиливается отъ этихъ самыхъ препятствій. Спокойнымъ, ровнымъ, но непрестаннымъ шагомъ идетъ она по землѣ, разсыпая свои милости направо и налево. Зиждательница городовъ и вѣсей, она поднимается и въ чертоги, не обходитъ и утлой хижины, ни кельи ученаго труженика, ни судейской камеры. Всюду она охраняетъ, живить и укѣпля-

(*) Заглавіе этой книги: «Christianismi restitutio». Флуранъ (Hist. de la decouv. de la circulat. du sang—Paris, 1857; p. 154) имѣлъ въ рукахъ обозженный экземпляръ, хранящійся въ Парижской Публ. Библиотекѣ, вѣроятно вырванный изъ юстра вѣмъ-либо изъ послѣдователей бѣднаго Серве.

(**) С. А. Соболевскій сообщилъ мнѣ драгоценный экземпляръ этой поэмы Венецискаго изданія in 4°, 1510, того самаго, на которое Либри (Hist. d. mathem. 1838—t. II, p. 195 note 2) указываетъ какъ на лучшее; здѣсь находятя на стр. 94 (Libro quarto) слѣдующіе стихи (мы сохранили правописаніе подлинника):

Dal cerebro procedano gli nervi
 Nasce dal cuore ciascuna artaria
 . . . . .
 El l'artaria sempre dove vena
 Artaria in se adopia ogni via
 Per l'una al cuore lo sangue se mena
 Per l'altra vacio lo spirito al cuore
 . . . . .
 El sangue pianse move con quiete.

Т. е. (приблизительно) «Отъ мозга идутъ нервы; отъ сердца — каждая артерія; артерія всегда тамъ гдѣ вена (соединяются); артерія совокупляетъ оба пута (?); черезъ одинъ кровь идетъ къ сердцу, чрезъ другой... (?) И кровь движется тихо и спокойно». Настоящее имя Чекко — Стабили.

(***) Dictionnaire des principaux livres, condamnés au feu etc. par Peignot. Paris, 1806 2 vol in 8°.

(****) Index librorum prohibitorum Gregorii XVI Pont. max. jussu editus Romae 1844; Monteregali 1852 in 12° p. 13.

еть. И таково свойство ея благодѣяній, что они не быстро проходятъ, какъ многое въ подлунномъ мѣрѣ; каждый шагъ науки есть новый, дѣятельный центръ, повое солнце, отъ котораго и свѣтъ, и тепло, и радуга...

Посчисленіе все болѣе и болѣе разрастающихся успѣховъ науки обыкновенно прерывается вопросомъ..... такъ сказать домашнимъ: а стали ли мы отъ того счастливѣе? на этотъ стародавній вопросъ осмѣлюсь отвѣчать рѣшительнымъ «да!» съ условіемъ: слову *счастіе*; не придавать фантастическаго смысла, а видѣть въ немъ, что есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе страданій. Наука, вѣрнѣе Гомера, даетъ всякому сколько кто можетъ взять; она не виновата, если большинство людей совсѣмъ не доросло, или должно подыматься на цыпочки, чтобы достать рукою ея рогъ изобилія. Но наука, добрая мать, сыплетъ свои сокровища и на тѣхъ, которые еще и не подозрѣваютъ, что она есть сила силъ, а легкомысленно и неблагодарно пользуются ея сокровищами.—Было время, когда ученики Гиппократъ, и самъ Гиппократъ бились тщетно съ трехдневною лихорадкой и прискивали противъ нее сотни различныхъ средствъ, какъ нынѣ мы прискиваемъ ихъ противъ холеры. Для того, чтобы хина могла придти въ Европу—Христофору Колумбу надобно было открыть Америку; математическія выкладки Евклидовъ—построили его корабль и направили путь его. Для того, чтобы открыть хининъ, химія должна была дойти до открытія алкалоидовъ. И тоже встрѣтимъ—къ какому изъ ежедневныхъ, даже самыхъ мелочныхъ предметовъ мы ни пригоснемся. Не счастливѣе ли мы тѣхъ, которые рыдали надъ друзьями, умиравшими, повидимому, отъ ничтожной болѣзни, и въ глазахъ врачей видѣли лишь недоумѣніе? развѣ не возвысилась средняя жизнь въ Европѣ, т. е. не большее ли число лѣтъ мы можемъ и прожить сами, и видѣть живыми дорогихъ нашему сердцу? развѣ не счастьемъ считать возможность, въ нѣсколько минутъ, перемолвиться съ друзьями, съ родными, отдаленными отъ насъ огромнымъ пространствомъ? сколько семейныхъ тревогъ, сколько душевныхъ терзаній успокоилось мгновеннымъ словомъ электричества? роскошь быстраго движенія, подъ защитой отъ бурь и непогоды, удобство изустнаго сближенія между людьми, возможность, безъ большихъ издержекъ, присутствовать при великихъ изслѣдованіяхъ, выводахъ, торжествахъ науки, наслаждаться далекими отъ насъ произведеніями искусства или Природы—не сдѣлалась ли нынѣ доступнѣе болшему числу людей?—Но гдѣ же, въ нѣсколькихъ строкахъ, исчислить все добро, разлитое наукою почти во всѣхъ предѣлахъ земнаго шара! Дѣло въ томъ, что съ каждымъ открытіемъ науки однимъ изъ страданій человѣческихъ дѣлается меньше—это кажется не подвержено сомнѣнію...

Я слышу возраженіе: а война, говорятъ мнѣ, а способы истребленія людей—добытые у науки же, развѣ не увеличили массы страданій другаго рода, но все-таки страданій?.. возраженіе сильно, -- но однако можно ли обвинять науку? можно ли обвинять огонь за то, -- что онъ хотя и грѣетъ и освѣщаетъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и производитъ пожары? Можно ли обвинять и солнце и оптика, если полоумный наведетъ зажигательное стекло на стогъ сѣна, и стогъ загорится?—Кто виноватъ, если

данныя, выработанныя наукою, до сихъ поръ лишь въ весьма малой степени входятъ въ государственное, общественное и семейное дѣло? Мы смѣемся надъ Китайцами, мы съ ужасомъ указываемъ, что они предали смерти Европейскихъ плѣнниковъ. Китайцы спроста, или съ умысла, отвѣчали: «по нашимъ, какъ и по вашимъ законамъ, «смертоубійство есть преступленіе, подлежащее уголовной казни. Но вы Европейцы — «нелѣпы, вы наказываете смертоубійцу одинокаго, — вы чествуете его, когда онъ на «береть тысячу людей для произведенія ряда смертоубійствъ. Мы не впадаемъ въ «такую нелѣпость». — Можно многое возразить противъ этой Конфудзіевой діалектики, —хоть напримѣръ праведность и неизбѣжность обороны отъ нападающаго; но что мы отвѣтимъ Тому, который сказалъ: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ? — наши общественныя науки нетолько далеко отстали отъ естественныхъ, но, сказать по правдѣ, находятся еще въ младенческомъ состояніи. Еще пылѣ неволью думается, что вѣка пройдутъ до тѣхъ поръ, когда мы наконецъ выразумѣемъ и сознаемъ вполне это неземное внушеніе, и безсильны мы даже вообразить себѣ семейное, а тѣмъ болѣе государственное устройство, гдѣ бы это высокое начало могло быть примѣнимо во всемъ своемъ пространствѣ!...

Въ наукѣ ли причина войны? наука ли подготавливаетъ ее? нѣтъ! наука говоритъ другое: она нещадно колеблетъ пьедесталь военныхъ подвиговъ; она доказываетъ цифрами, что всѣ многосложныя причины переселеній, войнъ, набѣговъ, грабежей, вообще насильственнаго движенія народовъ, какъ равно и внутреннихъ переворотовъ, сводятся къ одной, основной и весьма прозаической: къ истощенію почвы, къ потребности прискивать другую, болѣе плодородную, — словомъ къ потребности себя пропитывать. Либихъ замѣчаетъ, что если бы человѣкъ могъ питаться лишь водою и воздухомъ, тогда бы не существовало ни насилій, ни неустройствъ, ни поводовъ къ безправію, ни рабства или воздѣльванія одного человѣка другимъ; —но человѣкъ зависитъ отъ почвы; при первомъ къ ней приступѣ, онъ глухъ къ словамъ науки; онъ рассчитываетъ на вѣчную плодородность, не даетъ себѣ труда исчислить ея питательныхъ силъ, беззаботно расходуетъ ихъ, не возвращая отнятаго, въ нелѣпомъ упованіи, что его клочекъ земли неизчерпаемъ, что земля сама должна возстановить то, что у ней отнято, что, словомъ, печка сама должна доставать для себя дрова; —и настаетъ минута, когда почва начинаетъ оскудѣвать; скоро, того, чѣмъ прокармливались десять человѣкъ, едва достаетъ на одного; болѣе сильный, или болѣе хитрый, онъ заставляетъ остальныхъ девятерыхъ работать на себя —и зараждается патрициатъ, — явленіе, надъ которымъ такъ долго ломали себѣ голову метафизики. Плодородный Лаціумъ былъ покоренъ голодными Римлянами. Слава Помпея куплена истребленіемъ морскихъ разбойниковъ, которые мѣшали подвозу хлѣба; Юлій Кесарь водилъ полки въ Испанію, въ Египетъ, чтобы на чужое награбленное добро продовольствовать Римлянъ хлѣбомъ, —въ томъ была вся основа его величія и могущества; Папскій Римъ для той же цѣли извратилъ человѣческую совѣсть продажей индульгенцій; но ничто не спасло его; невѣжественный, преступный, въ надеждѣ на свою чудодѣйную силу, онъ окружилъ Римъ бесплодными пустынями —ихъ не утучнили ни потоки

крови, ни зола костровъ, и Римъ сдѣлался плодороденъ лишь на Езуитовъ, и на разбойниковъ.

Въ одномъ отношеніи Мальтусъ былъ правъ, говоря, что если бы не войны, не моровыя повѣтрія, и проч. т. п., то люди бы заѣли другъ друга. Но положительная наука оправдала Провидѣніе противъ Мальтусова кощунства, и слово ея выговоренное не пройдетъ напрасно. Будетъ время, и оно не далеко, когда силы ума и тѣла не будутъ тратиться на взаимноистребленіе, но на взаимносохраненіе; данныя выработанныя наукою проникнуть во всѣ слои общества, — и вопросъ о продовольствіи дѣйствительно уподобится вопросу о пользованіи водою и воздухомъ.

Конечно, теперь такого рода успѣхъ кажется несбыточною мечтою. Но въ XVII вѣкѣ (1663 г.) Англичанинъ Вустеръ (Marquis Worcester) (*) напечаталъ сотню задачъ (въ числѣ ихъ и о паровой машинѣ), которыхъ разрѣшеніе онъ считалъ необходимымъ для блага человѣчества; тогда смѣялись надъ этими задачами — онѣ казались внѣ всякой возможности; по справкѣ въ недавнее время, оказалось, что бѣльшую часть этихъ задачъ уже разрѣшила наука, — такъ, между прочимъ. Если бы теперь сдѣлать подобное собраніе неразрѣшимыхъ задачъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомки наши стали бы удивляться: чтѣ тутъ находили мы труднаго, даже невозможнаго?

Скажу на ушко читателю: многія изъ самыхъ недоступныхъ задачъ въ государственномъ вообще, въ финансовомъ и семейномъ бытѣ, близки къ своему разрѣшенію. Это разрѣшеніе зависитъ отъ неизвѣстнаго человѣчка, который гдѣ-то, на чердакѣ, въ Европѣ или Америкѣ, а можетъ быть и въ Азіи, дотачиваетъ послѣдній гвоздь, нужный ему для снаряда, которымъ очень легко будетъ управляться нѣчто въ родѣ аэростата. Когда этотъ послѣдній гвоздь будетъ прилаженъ, — многое множество вопросовъ: о войнѣ, о финансахъ, о торговлѣ, объ урожаяхъ и неурожаяхъ — и по другимъ житейскимъ задачамъ, получатъ такое благополучное разрѣшеніе, котораго мы теперь и вообразить себѣ не можемъ.

Но oprичъ этого гвоздя, есть много и другихъ недоконченныхъ гвоздиковъ, которыми слѣдуетъ заняться.... слѣдственно опять таже пѣсня: недовольно! недовольно!

XVII.

Но оставимъ космополитическую сферу и приложимъ нашу мысль къ тому, что намъ ближе, къ дорогой намъ всѣмъ Россіи. Скажемъ ли мы ей слово: Довольно! —

(*) Его книга *Century of inventions* — библиографическая рѣдкость. Но недавно, 1865 г., вышла весьма любопытная по этому предмету книга: *The life, times and scientific labours of Marquis of Worcester by Henry Dirks*. Во второй части перепечатана самая *Century of inventions*.

Может ли выговориться это слово *теперь*, когда совершаются дѣла такого порядка, что мы, современники, не въ силахъ даже измѣрить ихъ величія, а можемъ лишь благодарить Провидѣніе за то, что живемъ въ наше время.

Говорить ли, что съ 19 февраля 1861 г. Россія пережила, по крайней мѣрѣ, два вѣка. Кто этого не чувствуетъ? Всѣ силы ея подвинулись: напряжены всѣ мышцы ея мощнаго организма; новая, свѣжая кровь струится въ его жилахъ; стройно дышетъ онъ вольнымъ дыханіемъ жизни. Наука, правда, у насъ развивается медленно, но все шире и шире; поселянинъ, отдохнувшій отъ барщины, начинаетъ въ свободномъ трудѣ сознать самого себя, понимать свое невѣдѣніе и необходимость изъ него выдти. Земство, какъ бы ни были трудны первые шаги его, призванное Высокою Мудростію къ дѣланію, начинаетъ проявлять свою самобытность, и прилагать здравый смыслъ Русскаго человѣка къ многоразличнымъ условіямъ общественнаго быта, осложненнаго вѣковыми недоразумѣніями. Наконецъ, гласнымъ, независимымъ судомъ образуется опора не только для внутренняго и внѣшняго довѣрія, но и училище нравственности, всѣмъ доступное, всѣми чтимое.

У нашего простолюдина, какъ бы низко ни стояло его образованіе, нѣтъ той безнравственности, въ которой любятъ обвинять его остроумные шляхтичи и ихъ соборники. Въ глубинѣ души его лежитъ чувство правды и любви; это чувство онъ часто выговариваетъ подлинными словами Св. Писанія. Но рядъ историческихъ событій, до нынѣ, по болѣе части, не содѣйствовалъ къ укрѣпленію необходимой связи между этимъ глубокимъ чувствомъ и дѣйствительною жизнію, а чаще разрывалъ ее. — Гдѣ было научиться ему приложеніямъ правды къ жизни, — когда онъ почти ежедневно видѣлъ одно безправіе; когда подъ словомъ: судъ, — онъ понималъ лишь произволъ и подкупъ; когда святилище суда представлялось простолюдину сборищемъ людей, за недоступными дверями пишущихъ какія-то непонятныя ему строки — но рѣшающія его участь; когда онъ видѣлъ, что одинъ и тотъ же законъ примѣняется къ нему такъ, а къ другимъ иначе; когда его ждало не одно неправосудіе, — но часто и насмѣшливый отказъ во всякомъ правосудіи. «Правда моя не дошла! недали слова молвить! не хотѣли выслушать...» говорилъ обиженный съ желчною горечью въ сердцѣ. — Такое состояніе среды могло ли не отразиться на собственныхъ дѣйствіяхъ простолюдина, не смутить его, можетъ быть и младенческихъ, но святыхъ понятій о правдѣ, не сбить съ толку его сужденій, не смѣшать для него значенія словъ? — Такъ на примѣръ, воровство, что бы ни говорили, — есть дѣло противное душѣ русскаго человѣка; нѣтъ для него ничего оскорбительнѣе названія вора, — но когда сегодня воевода, судья — взялъ у простолюдина взятку, завтра слышится, что знатный панъ прикрылъ деньгами преступленіе, истязанія, смертоубійство, что самоуправникъ и даже воръ, расхитившій казну Царскую, нашли друзей, заступниковъ и остались ненаказанными, — тогда на третій день и самъ простолюдинъ протягиваетъ руку за незаконнымъ пріобрѣтеніемъ... «Не мнѣ чета!» говоритъ онъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Намъ уже теперь трудно вообразить какъ жили люди въ тѣ времена, когда общимъ убѣжденіемъ было, что съ сильными

тягаться не слѣдуетъ, ибо деньгами, званіемъ, сильною заступою можно отъ всего откупиться, что судъ былъ лишь ставнею, за которою жили да поживали родныя, неразлучныя сестрицы: самоуправство и лихоимство.

Но пришли золотые дни, растворились дѣри судовъ, пахнулъ въ нихъ свѣжій воздухъ, гласностью разсѣялся смрадный туманъ, ярко заблестали святыя слова: «судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ» — и какъ бы болѣзненный наростъ отпалъ отъ нашихъ глазъ.

И чудное дѣло! иностранцы дивились и не вѣрили, — какимъ образомъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, этотъ огромный общественный переворотъ, совершился у насъ безъ малѣйшихъ потрясеній; какимъ образомъ разыгрались не страсти, — но развилось лишь стройное, набожное чувство благодарности къ Виновнику освобожденія. Кто изъ свидѣтелей забудетъ день 19-го февраля 1861 года въ Петербургѣ, а потомъ и во всей Россіи, — когда благодатная вѣсть, какъ молнія, разлилась по всему городу? — кто забудетъ то движеніе на улицахъ, когда, только что освобожденный людъ, огромными толпами — шелъ въ растворенные храмы, умиленно преклонялъ колѣна предъ иконами. . . .

И чествовалъ народъ молитвой и слезами Свой первый день свободнаго труда.

Но еще ли не чуднѣе дѣйствіе произведенное новыми судами! съ первой минуты они срослись съ народною жизнью, — какъ будто они вѣкъ существовали. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, страшный стихъ поэта: «Черна въ судахъ неправдой черной» — сдѣлался анахронизмомъ. Все явилось мгновенно: и судьи, и присяжные, и адвокаты и стенографы, и публика внимательная и почтительная: явилось не подозрѣваемое до-толѣ знаніе дѣла, явилось истинное краснорѣчіе, безъ фразъ, безъ увлеченій, но спокойное, дѣльное, трезвое, — явилась судейская пронизательность. Самая рѣчь преобразилась; исчезаетъ искусственное, длинное, пухлое канцелярское празднословіе, выходятъ изъ употребленія густыя смрадныя чернила, разведенныя раздушеннымъ масломъ; мѣсто всего этого заступаетъ живое, чистое, сжатое Русское слово, которому многимъ изъ насъ стариковъ не худо бы поучиться.

Не полагайтесь на отчеты журналовъ, войдите сами въ камеры Окружныхъ Судовъ, Судебныхъ Палатъ, Мировыхъ Съѣздовъ, туда гдѣ предъ мірянами совершается священнодѣйствіе закона, — любопытное и поучительное зрѣлище особенно при дѣлахъ гражданскихъ, — всмотритесь въ эти ряды зипуновъ, чуекъ — они боятся пошевелинуться, перевести духъ; съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они вслушиваются въ ясно произносимыя рѣчи, боясь проронить слово; — не все имъ понятно въ тонкихъ приложеніяхъ закона къ данному дѣлу, въ юридическихъ сочетаніяхъ разныхъ періодовъ тяжбы, — но гдѣ недостаетъ разумія, тамъ помогаетъ Русская смѣтливость; а между тѣмъ они усваиваютъ себѣ понятія неизмѣннаго, равнаго для всѣхъ закона и неподкупной правды. Эти понятія ложатся въ ихъ сердце и не пропадутъ безслѣдно.

Войдите къ Мировымъ Судьямъ — да не на минуту, а на нѣсколько часовъ — здѣсь картина еще любопытнѣе, еще поучительнѣе; — забудьте комическую сторону этихъ судовъ (которая одна, къ сожалѣнію, подмѣчается въ большей части газетныхъ статей); предъ вами Мировой Судья, смиренный труженикъ, который, каждый день, съ ранняго утра и до поздняго вечера, едва имѣя время на краткій отдыхъ — пригвожденъ къ своему стулу, въ душевной атмосферѣ; предъ нимъ—люди всѣхъ сословій; предлежащія ему дѣла — повидимому, самыя мелочныя явленія житейскаго быта, — но изъ этихъ мелочей составляется почти вся жизнь многихъ людей, отъ этихъ мелочей зависитъ домашнее, семейное спокойствіе; эти мелочи, въ прежнее время, возрастали часто до огромныхъ, нескончаемыхъ тяжбъ, вели къ раздорамъ, къ раззоренію... Эти мелочныя явленія разнообразны до безконечности; мировой судья всегда долженъ быть готовъ на неожиданное; онъ не можетъ позволить себѣ ни насмѣшки, ни презрѣнія, какъ бы предметъ тяжбы ни казался ничтожнымъ, какъ бы ни были неуклюжи объясненія тяжущихся; безстрастный, но радушный, онъ долженъ каждую минуту изобрѣтать новыя пріемы умиротворенія, или же, строгимъ словомъ закона, остановить наглое и коварное домогательство. Вслушайтесь въ бесѣду мирового судьи съ простолюдиномъ: съ какимъ искусствомъ судья долженъ выяснять тяжущемуся, что тотъ или другой его поступокъ, кажущійся ему весьма простымъ и обыкновеннымъ, есть нарушеніе закона, оскорбленіе, подлогъ. Лишь въ Мировыхъ Судахъ простолюдинъ слышитъ впервые, что законъ не есть отвлеченное, мало понятное слово, но спасительное, нравственное начало, которое должно быть присущимъ во всѣхъ нашихъ ежедневныхъ дѣйствіяхъ; не въ метафизическихъ сентенціяхъ излагается ему эта наука, но въ буквѣ, взятой изъ самой жизни. Часто, подсудимый, понятно доведенный до оцѣнки своего дѣйствія, — сознаетъ свою вину, свою неправость, и спѣшитъ помириться съ своимъ противникомъ. Часто, и очень часто, бѣдный крестьянинъ, выигравшій тяжбу у сильнаго противника, долго не вѣритъ, что тяжба его совершилась, — въ умиленіи начинаетъ молиться и падаетъ на колѣни предъ изображеніемъ Того, во имя котораго творится: «судъ правый, скорый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ».

Наиздателенъ и говоръ народный въ преддверіяхъ новыхъ судовъ; Русскій чело-вѣкъ вообще не говорливъ, но здѣсь онъ невольно распахивается, — умъ поучается, сердце говорить, — онъ какъ будто вспоминаетъ залегшія въ глубинѣ души его истины, и выражаетъ ихъ мѣткими словами, которыя бы могли послужить хорошимъ матеріаломъ для исправленія нашего искусственнаго юридическаго языка.

Но все это великое дѣло сгинетъ, если не найдетъ достойныхъ дѣлателей, и нужно ихъ не одинъ и два! — есть ли возможность въ такую минуту предаться бездѣйствію — и сказать: довольно?

ХVIII.

Къ тому же Россія не безъ враговъ! хмурится на насъ завистливый Западъ. Не по сердцу ему наше новое подвиженіе. И прежде, онъ, частію боялся насъ, частію за-

видоваль. Но теперь, когда уже нельзя нас упрекнуть ни въ обожаніи рабства, ни въ строгости наказаній, ни въ отсутствіи земской самостоятельности, ни въ господствѣ произвола и самоуправства, когда западная ложь осѣкается объ свободную Русскую печать, когда зрѣютъ въ насъ и нравственное чувство, и сознание человѣческаго достоинства, и матеріальныя силы, когда крѣпче вокругъ Престола сплотилось наше единство, — трусливая ненависть Запада, въ крайнихъ его органахъ, въ этомъ сопряженіи невольнаго невѣжества и сознательной лжи, доходитъ до истиннаго безумія. Разумѣется, не забывается старое. По прежнему является на сцену нелѣпная фабрикація Парижской полиціи, извѣстная подъ названіемъ «завѣщанія Петра Перваго», на которое указывается, какъ на неоспоримое доказательство нашего неуклоннаго намѣренія завоевать всю Европу и истребить въ ней просвѣщеніе (*). По прежнему повторяются всѣ возможные о насъ анекдоты, основанные на невѣроятномъ историческомъ и филологическомъ и географическомъ, часто искусственномъ невѣжествѣ.

Есть на Западѣ городъ-памятникъ, — памятникъ насилія, грабежа, гнета, всѣхъ родовъ человѣческаго самоуправства и уничтоженія; въ древности тамъ ковались цѣпи на цѣлый міръ; но времена перемѣнились; занесло пескомъ слѣды рабской крови, пролитой на потѣху патриціевъ; на этомъ пескѣ устроилось новоязыческое капище: здѣсь іезуитизмъ открылъ свою торговлю; его товаръ — человѣческая совѣсть; здѣсь онъ покупаетъ, продаетъ и промѣниваетъ вѣру, правду, свободу совѣсти, словомъ все, что есть на землѣ святаго; здѣсь дистиллируются тонкіе, для всего міра, яды; смрадный туманъ подымается отъ треножника преступной лабораторіи; въ этой душ-

(*) Это говорится не въ шутку, не въ карикатурныхъ журналахъ, но съ высоты и парламентскихъ кафедръ — Исторія этого подлога довольно любопытна. Извлеченіе изъ мнимаго завѣщанія Петра I-го появилось впервые въ книгѣ подъ названіемъ: *Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle, par L***; 1 vol in 8°, Paris chez Fantin, libraire, Quai des Augustins. 1812. По году изданія видно, что она издана въ ту минуту когда Наполеонъ-Бонапартъ вторгнулся въ Россію. Хитрому Корсиканцу, не разборчивому на средства, нужно было *отвести* глаза, особенно Англіи, и для того взвести на Россію небывлицу, Сочинитель этой книги — Ледуаръ, Французскій полицейскій литераторъ. Знаменитый подлогъ находится въ примѣчаніи къ стр. 176 по 179 и начинается словами: *супротивъ*, что существуетъ. (On assure qu'il existe.); подлогъ былъ сдѣланъ такъ поспѣшно, что независимо отъ другихъ промаховъ, Петра I-го заставляютъ называть свою армію — азіатскою ордою (ст. 14) и даже православныхъ грековъ — схизматиками (ст. 12). Но для Запада это все ничто; извлеченіе (résumé стр. 176) перешло, но уже въ видѣ подлиннаго завѣщанія, въ многочисленныя книги и книжонки и распространилось на всемъ Западѣ. Достоинно вниманія, что, по непонятнымъ причинамъ, всѣ изданія, въ которыхъ находилось это мнимое завѣщаніе, тщательно запрещались — въ Россіи, такъ что для Русскихъ писателей не было возможности добраться до текста этого документа, ни разъяснить подлогъ. Между тѣмъ эти изданія, по временамъ, учащались на Западѣ, въ особенности предъ Крымской войной, и вѣра въ подлинность этого завѣщанія такъ утвердилась, благодаря нашему постоянному безмолвію, что, во время войны, одинъ «благородный» Лордъ, въ Англійскомъ парламентѣ, указывалъ на это мнимое завѣщаніе, какъ на ясный поводъ къ изданію на насъ; это указаніе не осталось безъ дѣйствія не только на общественное мнѣніе въ Европѣ, но и на самое рѣшеніе парламента. Подробности этого позорнаго подлога описаны въ особой брошюрѣ Г. Берхгольца, бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки, поднявшаго груды книгъ для разъясненія

ной средѣ бродятъ позорныя тѣни; здѣсь изувѣры призываютъ благословеніе Божіе на отравленные кинжалы; здѣсь іезуиты съ шляхтою обмѣниваются поцѣлұями; полумертвый командиръ латинства, въ безсильной злобѣ на насъ, вмѣстѣ съ женолюбивымъ кардиналомъ канонизируетъ изверга Кунцевича; изъ подъ кардинальской рясы сыплются мириады лжей, сплетенъ, іезуитовъ, іезуитокъ, и стараются облѣпить славянское племя, разорвать его связи и задушить его.

И въ Россію проникаетъ тлетворный туманъ и.... находитъ Иванушекъ, Репетиловыхъ, княженъ Зизи, Мими....

Не ужъ ли на все это мы должны смотрѣть, сложа руки, уныло повторяя: довольно! неуже ли до замолкнуть наша сатира, которая, испоконъ вѣка, не переставала на Руси выговаривать свое крѣпкое и умное слово.

Но интриги запада намъ не страшны: намъ не впервой отправлять къ нему свинцовый отвѣтъ, который всегда оказывался весьма удовлетворительнымъ.

Наша сила—въ насъ, въ нашемъ единеніи, въ нашей честной разработкѣ великихъ задачъ нашего Великаго Преобразователя.

На зовъ Его откликнулись всѣ сословія безъ различія. Въ первыхъ рядахъ стало дворянство; въ этой средѣ, преимущественно, явились дѣятели для новаго дѣла. Отсюда вышли труженики для закона 19-го февраля, для земскихъ учрежденій, для новаго судопроизводства, вышли и мировые посредники, и члены земства, и судьи, и прокуроры, и адвокаты. Не отстали и другія сословія; дѣльный, вѣрный взглядъ нашихъ присяжныхъ, ихъ внимательное добросовѣстное изученіе дѣлъ, — чему могли бы позавидовать въ остальной Европѣ—есть явленіе многозначительное, даже по своей неожиданности, и служить новымъ свидѣтельствомъ, какимъ чистымъ, здравымъ смысломъ Господь Богъ одарилъ Русскаго человѣка.

Съ такими задатками силы всѣхъ родовъ, —ничто намъ не страшно.

Но солнце не безъ пятенъ и въ семьѣ не безъ уroda... Вокругъ великаго дѣла, свершающагося въ Россіи, стоятъ Митрофанушки, Простаковы, Скотинины; съ досаднымъ изумленіемъ смотрятъ они на тружениковъ и думаютъ думу крѣпкую.... Было-бы ошибочно предполагать, что Простаковы и Скотинины вымерли и духа ихъ не стало — они всѣ живехоньки, только умылись и принарядились.... Митрофанушка съѣздилъ въ Парижъ, воротился въ шиджагъ и гнѣвается на мировыхъ, что заставляютъ его платить долги портному; Простакова по прежнему «мастерица толковать законы», за то она въ криполинѣ, и съ великолѣпнымъ шиньономъ; Скотининъ натянулъ макинтошъ и жестоко обижается внесеніемъ своего имени въ списокъ присяжныхъ; Вральманъ развиваетъ, по Гегелю, теорію олигархическаго нигилизма, — но они все тѣ же; тѣ же въ нихъ полубарскія затѣи, и тѣ же разсужденія и поползновенія; они вѣтъ, поджидаютъ — (а въ сторонкѣ и Правдинъ) ждуть.... новаго Фонъ-Визина; ждуть того, кто мимоходомъ, на завтракѣ у предводителя, но такъ вѣрно, подмѣтилъ разные виды нашего феодальнаго безобразія... Какое безграничное поле для комика! — неуже ли онъ скажетъ: довольно!

Не бѣда, что мы старѣемся... и въ послѣднія минуты, мы не скажемъ Россіи, какъ гладиаторы Римскому кесарю: «умирая, мы съ тобою раскланиваемся (*)»; но припомнимъ хоть нашего славнаго армейскаго капитана Никитина (**), какъ онъ, замученный повстанцами, издыхая въ предсмертныхъ мукахъ, собралъ послѣднія силы, и смѣло, пророчески погрозилъ ослабѣвшей рукою мятежной шляхтѣ. — Будущее впереди, а между тѣмъ, съ Божіею помощіею, даже стоя одною ногою въ могилѣ, — хоть бы намъ погрозиться на внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи... авось вразумятся! — Go a head! never mind, help yourself! — что по Русски переводится: «брось прохладушки, недѣланаго дѣла много».

Д. Ч. Кн. В. Общ. ^{ств.} *той.*

31 Декабря, 1866.

Отдѣльн. оттискъ изъ 1-ой книги „Бесѣды Общества Любителей Россійской Словесности“.

Печатано по опредѣленію Общества Любителей Россійской Словесности.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Милаковой.

(*) Morituri te salutant.

(**) Какой превосходный предметъ для нашихъ живописцевъ. Когда же повинуть они и Хароновъ и Меркуріевъ, — или перестанутъ выбирать самыя грязныя черты изъ нашего быта? Сколько высоко-художественныхъ задачъ въ разныхъ сценахъ послѣ 19 февраля 1861! Кто не знаетъ всѣмъ готовую «картинку» Майкова, начинающуюся словами:

Посмотри: въ избѣ мерца,
Свѣтитъ огонь; 10
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову,
Пальчикомъ води,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Сколько матеріаловъ въ разныхъ эпизодахъ шляхетскаго мятежа, въ фигурахъ повстанцевъ, фанатическихъ шляхтенювъ, коварныхъ косядзювъ, іезуитовъ, добродушныхъ мужичковъ... Наконецъ, почти въ вчерашнихъ событіяхъ — совѣщаніе въ Ватиканѣ о канонизаціи Кунцевича, столь полное комизма; — въ иномъ родѣ, — битвы Кривякъ, Аркадійскій Монастырь, Русскіе матросы съ малютками Греками, и побѣда Турками ложныхъ депутатовъ отъ Крита; — отправка Турецкихъ солдатъ, будто бы для спасенія критскихъ семействъ; — наши сородичи Галичане въ когтяхъ іезуитовъ... Неужели ли всѣ эти разнообразныя сцены, доступныя и трагической и комической вѣсти, будятъ обойдены нашими живописцами? — или мы представимъ западнымъ живописцамъ изображеніе мнимаго геройства шляхтенювъ, и небывадаго звѣрства Русскихъ? Было бы стыдно!

2007052558